

Н.С. Гюрджян, к.ф.н.,
М.В. Джагарян, преподаватель

Когнитивный конфликт в речевой ситуации в английском и испанском языках (дискурсивный и интерперсональный аспекты).

Рассмотрение поведенческих характеристик сквозь призму языка представляет собой условное сведение всех типов значения в единую картину мира, фиксируемую национальным языком. Язык в данном случае выступает в качестве аналога человека в процессе речевой деятельности.

Речевая деятельность, как известно, строится главным образом на использовании иерархически организованных коммуникативных единиц: речевых актов, речевых обменов и их последовательностей. Исследование ономазиологического аспекта, основанного на интенциональной направленности речевых действий, позволяет составить картину национального речевого поведения в рамках категориальной ситуации когнитивного конфликта.

Термин «языковое поведение» частично входит в понятийное поле термина «коммуникативное поведение», впервые использованного в работе И.А. Стернина и др. [Стернин и др., 2003]. Коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, иными словами, реальную коммуникативную практику. Языковое поведение включает в себя не только описание и лингвистический анализ особенностей реального речевого общения, но и выяснение роли языковых структур в формировании языковой компетенции говорящего на национальном языке. Язык как виртуальная система органически связана с его речевой реализацией. Термин «языковое поведение» позволяет объединить статическую и динамическую ипостаси языка.

Языковое поведение в значительной мере обусловлено

конвенциональностью грамматических и лексических значений национального языка, а также интегрированной в них прагматикой [Апресян, 1988].

Языковое поведение всегда направляется определенным понятийным полем и во многом зависит от степени разработанности концептуального аппарата национального языка. Содержание лексического состава языка в значительной степени формирует приоритеты восприятия действительности. Так, английский язык, выделяя разновидности понимания с помощью значений глаголов *understand*, *realize*, *comprehend*, *conceive*, *be aware of/that* наталкивает носителя языка на множественный тип обобщения. **Русский язык в этом плане не дифференцирует видовые эпистемологические различия с помощью лексического состава, имплицитно тем самым единый тип классификации (понимать).**

Тенденции поведения, так же как и ментальные представления, связаны с определенными группами психических явлений, в той или иной мере присущих языковому сообществу, в значительной степени формируемых лексическими, грамматическими и прагматическими значениями данного языка.

Рассмотрим последовательно манифестации когнитивного конфликта в **речевых системах** английского и русского языков на основе описанных выше моделей речевого взаимодействия (речевое поведение), а затем **языковые средства реализации К^{ог}К** в сопрягаемых лингвокультурах (языковое поведение).

Как следует из вышеизложенного, в процессе коммуникации происходит согласование концептуальных схем, представляющих собой способ предметной организации информации на базе системы знаний, полученных индивидом в результате его взаимодействия со средой и с самим собой. Процесс общения можно представить как постоянное соотнесение коммуникативной информации с системой концептуальных и языковых категорий» [Седых, 2004: 51]. Коммуникативные цели – это намерения, придающие осмысленность

обращению коммуниканта к своему партнеру. По сути, каждое высказывание – это средство воздействия на окружение (на партнера и через него – на другие элементы действительности, физические или ментальные). Как отмечает Б.Ю. Городецкий, практические цели осуществляются через посредство коммуникативных целей. И те и другие могут быть в пределах фиксированного коммуникативного акта стратегическими или тактическими. Например, стратегической практической целью коммуникантов, по мнению Б.Ю. Городецкого, может быть выполнение определенной производственной операции, выяснение причины взрыва, выработка приемлемого для обеих сторон определения некоторого понятия, стремление как можно больше разозлить друг друга и т.д. Тип стратегической коммуникативной цели каждого коммуниканта может представлять собой следующие коммуникативные акты: информирование, разъяснение, инструктаж, проверка знаний, уничижение, спор в поисках истины, совместное вспоминание и т.д.

Примером, когда практические цели определяют коммуникативные цели и задачи, является особый тип речевого взаимодействия – речевая конфронтация, или пикировка [«обмен колкостями, язвительными замечаниями» – «от франц. *se piquer*» – СЛРЯ, III: 122; ср. англ. *wrangle* – СФЕ: 631; БАРС: II, 809 и т.д. – см. Список использованных словарей].

Исследование показало, что речевая конфронтация не принадлежит определенному типу речевого жанра (по определению Т.В. Шмелевой, см. выше: 1.10), ни определенному типу диалога (по определению Н.Д. Арутюновой: см.: там же).

Однако можно провести определенное различие между речевой конфронтацией в обыденной или институциональной речи.

Например, в диалоге 1 (*interpersonal-relations discourse*) речь имеет различные формы, распределенные между унисоном и диссонансом.

(1) 'Daddy, Daddy I will you help me?' – 'If I can'. – 'I want *a map of February!*'

Mel smiled. Libby had a verbal shorthand of her own which sometimes seemed more expressive than conventional words. It occurred to him that he could use a map of February himself.

'There's a calendar in my desk'.

(AH: 21)

«Папочка, папочка! А ты мне поможешь? – Ну, если сумею. – Мне нужна *карта февраля.*»

Мел усмехнулся: Либби создала собственную устную скоропись, и понятия, которыми она оперировала, бывали порой куда выразительнее привычных слов. Но сейчас это навело Мела на мысль, что не мешало бы ему самому посмотреть карту февральской погоды. – Календарь лежит у меня на столе». (AX: 25)

Унисон имплицитно подразумевает искренние признания и взаимные комплименты, диссонанс принимает форму ссор и выяснений отношений. На его почве формируются «судейские» пропозициональные установки, такие как обвинение и оправдание, разоблачение и прощение, претензии и упреки. Текст такого диалога предполагает маркировку реплик по их отношению к обвинению или к защите. Официальной формой диалога-1 является судебное расследование, вырожденной формой – скандалы, пикировка, говорение колкостей, перебранка. На почве диалога-1 развивается деонтическая модальность. Исследование показывает, что в зависимости от степени регламентированности речи (институциональности) устанавливается определенная градуальная зависимость между типом диалога и степенью речевой конфронтации. Так, в судебном следствии диалог-1 (interpersonal-relations discourse) может по форме приближаться к диалогу-2 (make-believe discourse)

(2) «*And thou*», Pablo said bitterly. «*With your head of a seed bull and your heart of a whore. Thou thinkest there will be an afterwards from this bridge? Thou hast an idea of that which will pass?*» (EHF: 86)

– Эх ты! – с горечью сказал Пабло. – *У тебя мозги племенного быка и сердце илюхи!* Ты надеешься на «после». Ты имеешь какое-нибудь понятие о том, что это будет?
(ЭХП:30)

или диалогу-3 (make-know discourse):

(3) ‘**Did you walk, William?**’ she said, almost reproachfully, as she kissed her husband.

‘**I didn’t think of it,**’ he answered, with a glance at his nephew.

(МНВ: 15)

«– **Ты шел пешком, Уильям?** – спросила она с укором, поцеловав мужа. – **Я не подумал, что для него это далеко,** – ответил тот, взглянув на племянника».

(МБС: 4)

(*причина упрёка – больная нога мальчика*)

(4) ««You know what you are charged with, Mr. Griffiths, of course».

«Yes, sir, I just heard it from this man here».

«And you admit it?»

«**Why, no sir, of course I don’t admit it**», replied Clyde ...». (DA: 321)

«– Вы, конечно, знаете, в чем вас обвиняют, мистер Гриффитс?

– Да, сэр, мне только что сказал вот этот человек.

– **И вы признаете себя виновным?**

– **Конечно, нет, сэр!** – возразил

Клайд». (ДА: 653)

Максимальную выраженность речевая конфронтация получает в нерегламентированном повседневном споре, склоке, перебранке:

(5) ««What's your name?»	«— Как тебя зовут?
« <i>Tisn't any of your business, maybe</i> ».	— <i>А тебе какое дело?</i>
«Well, I 'low I'll make it my business».	— <i>Вот я покажу тебе, какое мне дело!</i>
« <i>Well, why don't you?</i> »	— <i>Ну, покажи. Отчего не показываешь?</i>
« <i>If you say much I will</i> ».	— <i>Скажи еще два слова — и покажу.</i>
«Much — much — much! There now».	— Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе! Ну!
« <i>O, you think you're mighty smart, don't you? I could lick you with one hand tied behind me, if I wanted to</i> ». (ТМ: 12)	— <i>Ишь какой ловкий!</i> Да если бы я захотел, я одною рукою мог бы задать тебе перцу, а другую пусть привяжут мне за спину». (ТМ: 24)

Причем, как отмечает Ж. Пиаже, онтологическому развитию дискурсивной способности соответствуют три стадии и три типа разговоров между детьми от четырех до семи лет: коллективный монолог, ссора (или примитивный спор) и настоящий спор. Разговор, т.е. полноценное общение, имеет место тогда, когда минимум три последовательных высказывания, произнесенных по меньшей мере двумя собеседниками, относятся к одному и тому же предмету [Пиаже, 1932]. Стадии развития дискурсивной способности показывают обратную корреляцию между беспредметным коллективным монологом (полная несогласованность когнитивных программ) и вытекающей из него ссорой (эмоциональная спонтанная попытка преодоления когнитивного

рассогласования) и настоящим спором, т.е. попыткой согласования когнитивных программ через интерперсональную стратегию утверждения своей собственной когнитивной модели.

В применении к сопоставлению институционально регламентированной (деонтологической) речи и спонтанного общения можно обнаружить также обратную зависимость между *ratio* и *emotio*. Средства эмоционального воздействия выступают маркированным элементом институционального (например, судебного) дискурса (ср., пример 4):

(6) «You know what you are charged with, Mr. Griffiths, of course».

«Yes, sir, I just heard it from this man here». «*And you admit it?*» «*Why, no sir, of course I don't admit it*», replied Clyde his thin and now white lips drawn tight over his even teeth, his eyes full of a deep, tremulous yet evasive terror.

«**Why, what nonsense! What effrontery! You deny being up to Grass Lake and Big Bittern on last Wednesday and Thursday?**»

(DA: 321).

«– Вы, конечно, знаете, в чем вас обвиняют, мистер Гриффитс? – Да, сэр, мне только что сказал вот этот человек. – И вы признаете себя виновным? – *Конечно, нет, сэр!* – возразил Клайд. Его тонкие, теперь побелевшие губы плотно сжались, глаза были полны невыразимого, глубоко затаенного ужаса.

– **Что? Какая чепуха! Какая наглость! Вы отрицаете, что в прошлую среду и четверг были на Луговом озере и на Большой Выпи?**»

(ДА: 653) .

В отличие от коммуникативной неудачи, речевая конфронтация не предполагает изначального коммуникативного сотрудничества. В силу особых отношений между коммуникантами (деятельностная ситуация) речевая конфронтация сродни военным действиям: она предполагает конфликт как условие своего существования. Причем, этот конфликт основан прежде всего на $K^{or}K$, проявляющемся как в повседневной, так и в институциональной речи:

(7) «I don't care to say as to that», he replied, blinking feebly as Mason waved Roberta's letters before him.

«*Tst! Tst! Tst! Of all things*», clicked Mason in high dudgeon. «*Such nonsense! Such effrontery!* (ДА: 325)

– Я не желаю об этом говорить, – ответил Клайд, невольно мигая, оттого что Мейсон размахивал перед ним письмами Роберты.

– *Ну, знаете ли!* – Мейсон в ярости прищелкнул языком. – *Какой вздор! Какая наглость!* (ДА: 659)

К^{ог}К может возникать на разных уровнях речевой ситуации в силу нарушения коммуникативных принципов речевого взаимодействия, ведущих к нарушению релевантности речевого вклада собеседника (см. выше – Таблица 1): – на уровне внешней формы (канал связи, интенсивность и т.д.):

(8) «– *He opu*, Храпугина. Просто работать нет возможности, – говорила женщина за столом, представительница райсовета, выбранная на собрании председательницей». (ПЖ: 310)

– на уровне внутренней формы (форма подачи и оценки содержания):

(9) «'Do you remember it's Good Friday?'

He said hollowly, 'The dirty Romans are forming up for Calvary.'

'Don't be sacrilegious'».

(SW: 7)

– А ты помнишь, что сегодня Великая Страстная пятница?

Он забубнил: – *Подлые римляне по команде выстраиваются у подножия Голгофы.*

– *Перестань кощунствовать*». (СЗ: 3)

Внешняя форма когнитивного конфликта представляется в качестве механизма интериоризации размышления.

В реальном взаимодействии интерперсональный, референциальный и коммуникативный аспекты тесно переплетаются, так что предметная (референт) и речевая ситуация в одинаковой степени провоцируют К^{ог}К и определяют выводное знание (смысл высказывания):

(10) « – **Как вам не стыдно**, Егоровна! Что это **вам, право, приспичило?** Ну, скорее, что случилось?

Егоровна что-то зашептала ему. – *Из какой Черногории?*

– Номера.

– *Ну так что же?*

– Безотлагательно требуют. Какие-то ихние кончаются.

– **Уж и кончаются. Воображаю. Нельзя**, Егоровна. *Вот доиграют кусочек, и скажу. А раньше нельзя».* (ПЖ: 173)

(11) «‘And you did say the Archidona Relief Fund?’ – ‘Yes.’

‘**Which Archidona?** *There are two. One’s in Ecuador, the other in Spain.*’ ... For the first time, Cindy hesitated. Then she said testily, ‘**What does it matter? This isn’t the time for stupid questions.**’

Mel wanted to laugh out loud. *Cindy didn’t know.* As usual, she had chosen to work for a charity because of *who* was involved, rather than what.

He said maliciously, ‘How many letters do you expect to get from this one?’

‘**I don’t know what you mean.**’

‘**Oh, yes, you do.**’ (АН:95)

«И ты еще сказала, что это в фонд помощи детям Арчидоны? – Да.

Какой же Арчидоны? Есть два таких города: один в Эквадоре, другой в Испании ... Впервые Синди ответила не сразу. – **Ну какое это имеет значение?** – с досадой сказала она. – *Сейчас не время для идиотских вопросов.*

Мел едва удержался, чтобы не расхохотаться. Так, значит, Синди не знает! Ну конечно, в этом благотворительном мероприятии ее интересовало не то, ради чего оно затевается, а кто его затевает. И он спросил лукаво: И сколько писем ты рассчитываешь получить после сегодняшнего вечера? – **Не понимаю.** – **Ну что ты**, отлично понимаешь.

Подчеркнем, что постулаты общения, разработанные Грайсом и широко обсуждаемые в современной коммуникативной лингвистике (см. выше – 1.7.), в реальном общении постоянно игнорируются. Исследование показало, что в естественной неподготовленной речи люди им не следуют почти никогда. Поэтому К^{ог}К проявляется в постоянном метадискурсивном комментарии всякого речевого взаимодействия:

(12) «– *Небось сами знаете*, чем кончилось.

– *Чем?* – любопытствовали из публики.

– *Ладно*, – огрызнулась Устинья. – *Много будешь знать, скоро состаришься.*

– *Нет, так не годится. Ты скажи, чем*, – не унимался тот же голос.

– *Чем да чем, репей неотвязчивый!* В соляной столб обратился.

– *Шалишь, кума!* Это Лот. Лотова жена, – раздались выкрики». (ПЖ: 249)

Как указывает О. Йокояма, при рассмотрении КН, описанных в (Ермакова, Земская, 1993), бросается в глаза множество проявлений некоторой резкости реакций собеседника, столкнувшегося с кажущейся ему нелепостью.

В типичные реакции входят такие языковые показатели непонимания, неприятия и досады как «неужели», «разве», «Кто сказал?», «Тьфу, не понимаешь что ли?», «Что я всем мешала что ли?», «Да что вы?», «Как же нет?!», «С чего ты взяла?» и т.п. Примеры КН нередко содержат еще и дополнительные замечания авторов, указывающие на обиду, раздражение и даже возмущение говорящих. В тех случаях, когда неправильно понятый смысл высказывания задевает личность коммуниканта (пусть даже и по недоразумению), обида представляется в некоторой степени оправданной. Интересно, однако, что сплошь и рядом резкую реакцию вызывают КН неличного характера, представляющие собой всего лишь импозицию кодовых

или референционных знаний. О. Йокояма рассматривает пример, связанный с неоднозначным толкованием слова «как» [Йокояма, 1998]: «А. Ты знаешь / что Димка ударил И.П.? Б. *Как** А. Я не знаю как / знаю / что ударил // Б. Тьфу! Что я спрашиваю / каким способом? Я просто поверить не могу // А. А говоришь / «как».

Несмотря на раздражение, выражаемое коммуникантом Б, его высказывание «Тьфу! Что я спрашиваю / каким способом? Я просто поверить не могу // «имеет в принципе положительную функцию: оно направлено на выявление и на «поправку» случившейся КН, ставшей ему очевидной из предшествующего высказывания собеседника. Своей резкой репликой Б разъясняет А коммуникативное намерение заданного им вопроса «Как?!» Реплика Б является, таким образом, «метынформационной». Она – не самоцель, а вспомогательное высказывание, служащее на пользу информационной трансакции, и, по-видимому, успешно приводящее к поправке КН и открывающее путь к искомому» [Йокояма, 1998].

Как представляется, при описании конфликтного взаимодействия практически игнорируются интерперсональные цели участников социальной ситуации, связанные с нормативным обоснованием своей позиции и действий и присутствующие как минимум в большинстве конфликтных ситуаций. Интерперсональная составляющая определяется мотивами получения желаемого результата; социальными аспектами конфликта (их взаимоотношениями друг с другом); психологической потребностью в обосновании своей позиции/действий для себя и/или для других.

Предметная сторона конфликта связана с той конкретной зоной противоречий, которые существуют между участниками ситуации. Соответственно, их действия будут ориентированы на достижение результата, желательного для каждой из сторон. Социально-деятельностный аспект конфликта описывается через характер отношений участников ситуации и их

эмоциональных установок относительно друг друга. В рамках эмоционального измерения конфликта могут существовать и самостоятельные цели участников взаимодействия, связанные с потребностями воздействия на партнера. Например, выражение враждебности может относиться как прямо к партнеру, так и косвенно, через отношение к предмету речи:

(13) The idea of comparing the market at Bruges with those of Dublin, although she had suggested it herself, caused immense scorn and derision on her part, «I'll thank you to tell me **what they mean** by that old gazabo on the top of the market-place», said she, in a *burst of ridicule fit to have brought the old tower down*». (TVF: 344)

Когда речь зашла о сравнительных достоинствах рынков Брюгге и Дублина, майорша дала волю своему презрению. – Вы, может быть, объясните мне, **что означает у них** эта старая каланча в конце рыночной площади? – *говорила она с такой едкой иронией, что от нее могла бы рухнуть эта старая башня.* (ТЯТ:319)

Стремление «наказать» собеседника может стать доминантой конфликта, когда последний перестает быть способом решения проблемы и становится самоцелью в дискурсивном плане:

(14) « – Пров Афанасьевич, – шепнула ей Оля на ухо.

– **Тсс. Отстань, пожалуйста. Какой Пров Афанасьевич?**

– Пров Афанасьевич Соколов. Наш троюродный дядюшка. *Который читает.*

– **А, это она про** псаломщика. Тиверзинская родня. **Тсс. Замолчи. Не мешай мне, пожалуйста**». (ПЖ:163)

Определенное референтное знание может сопровождаться эмоционально-оценочной реакцией на метакоммуникативном уровне. Такая реакция может оцениваться собеседником как неадекватная и сопровождаться когнитивно-эмоциональной коррекцией и контраргументацией, иногда переходящей в

интерперсональную стратегию конфронтации:

(15) « – *Какая черная неблагодарность!* Подумай, как можно ошибаться в людях! Эта девчонка, на которую я потратила столько души! Ну хорошо, допустим, это ребенок. *Но эта старая ведьма!*

– **Поймите, мамочка, они не могут сделать для вас исключения,** – утешала ее Лара. – **Ни у кого нет озлобления против вас. Наоборот. Все, что происходит сейчас кругом, делается во имя человека, в защиту слабых, на благо женщин и детей».** (ПЖ: 166)

(16) «Your hair wants cutting», said the Hatter. He had been looking at Alice for some time with great curiosity, and this was his first speech.

«**You should learn** not to *make personal remarks*», Alice said with some severity: ‘**It’s very rude**».

(SAW: 107)

«– Что-то ты слишком обросла! – заговорил вдруг Болванщик. До сих пор он молчал и только с любопытством разглядывал Алису.

– Не мешало бы постричься.

– **Научитесь не переходить на личности,** – отвечала Алиса не без строгости, – **Это очень грубо».** (КА: 57)

Интерперсональная стратегия конфронтации может приобретать экстремальные выражения, проявляющиеся в инвективах и сниженной аффективной лексике, речевых актах оскорбления и угрозы, а иногда речевая агрессия предваряет агрессию физическую:

(17) «А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

– *He твое дело,* – отвечал я нахмурясь, – кто бы ни была эта

«And who is this Masha for whom you declare such a tender passion, and who causes you such delightful agonies? Surely not Marya Ivanovna?» – **«It’s none of your business who it is!»** I replied, frowning.

Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок. – Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! – продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, – но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками. – *Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.*

– С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.

Кровь моя закипела.

– *А почему ты об ней такого мнения?* – спросил я, с трудом удерживая свое негодование. – А потому, – отвечал он с адской усмешкою, – что знаю по опыту ее нрав и обычай.

– *Ты лжешь, мерзавец!* – вскричал я в бешенстве, – *ты лжешь самым бесстыдным образом*». (АП: 262)

(17) «I can't», says Dobbin; «I

«I want neither your opinion, nor your surmises». – «Oho! A touchy poet and a discreet lover!» continued Shvabrin, with whom I was beginning to feel more and more provoked. «But hearken to my friendly counsel – if you want to succeed, I advise you not to confine yourself to mere warblings». – »*What do you mean by that*, Sir? Be so kind as to explain yourself!» – «Willingly. I mean that if you wish Masha Mironova to visit you in the twilight, you must offer her a pair of ear-rings, and not tender verses». My blood boiled.

«*And what makes you have such a low opinion of her?*» I asked, hardly able to contain my indignation.

«Because», he replied, with a diabolical sneer, «I know her morals and habits from experience».

«*You lie, you scoundrel!*» I shouted, enraged. «*You lie shamelessly!*» (AP:134-135)

– Не могу, – говорит Доббин, –

want to finish my letter».

«**You CAN'T?**» says Mr. Cuff, laying hold of that document... «**You CAN'T?**» says Mr. Cuff: «I should like to know why, pray? Can't you write to old Mother Figs to-morrow?»

«*Don't call names*», Dobbin said, getting off the bench very nervous.

«*Well, sir, will you go?*» crowed the cock of the school.

«Put down the letter», Dobbin replied; «no gentleman readth letterth».

«*Well, NOW will you go?*» says the other. «No, I won't. *Don't strike, or I'll SMASH you*», roars out Dobbin, springing to a leaden inkstand, and looking so wicked, that Mr. Cuff paused, turned down his coat sleeves again, put his hands into his pockets, and walked away with a sneer». (МНВ: 4)

мне нужно закончить письмо.

– Ах, ты *не можешь?* – говорит мистер Каф, выхватывая у него из рук этот документ...

– Положи письмо, – отвечал Доббин, – джентльмены не читают чужих писем!

– *Я спрашиваю тебя, пойдешь ты наконец?*

– Нет, не пойду! *Не дерись, не то в лепешку расшибу!* – заорал Доббин, бросаясь к свинцовой чернильнице с таким яростным видом, что мистер Каф приостановился, спустил засученные было обшлага, сунул руки в карманы и удалился прочь с презрительной гримасой». (МБС: 51)

Таким образом, исследование показывает, что речевые манифестации когнитивного конфликта реализуются в рамках интенциональных стратегий, направленных на решение задач по идентификации референта, согласования когнитивных программ собеседников, а также для интеракциональных стратегий воздействия, убеждения (аргументации) и оценивания и корректировки как речевого, так и неречевого поведения взаимодействующего партнера. Для реализации этих стратегий говорящие используют средства,

предоставляемые языковым арсеналом. Эти средства можно объединить в единое функциональное поле К^{ог}К, имеющее свои особенности в сопоставляемых – английском и русском – языках.

При наличии определенного инварианта (нормы) в представлении об окружающей действительности концептуальные схемы, или программы, коммуникантов могут значительно расходиться как в целом, так и в определенных частностях. Поэтому лексическое ядро ФСП К^{ог}К в обоих языках составляют эпистемические предикаты широкого лексико-семантического диапазона ментальности. В качестве типологического расхождения между ядерными (перформативными) элементами ФСП К^{ог}К в рассматриваемых языках можно представить корреляцию английского глагола *to see* и русского глагола *понимать* как наиболее частотных маркеров когнитивного конфликта в английском и русском языках. Это объясняется большей значимостью перцептивных модулей восприятия (*to see, to realize, to know, to remember, etc.*) для анализа информации в западноевропейском языковом стандарте, и преобладанием роли центральной когнитивной системы обработки информации для русской лингвокультуры (*понимать, думать, полагать*).

Концептуальная схема говорящего базируется на способности человека интерпретировать, т.е. приписывать значения различным проявлениям окружающего его мира. Рефлексия, вмешивающаяся в процесс «передачи» когнитивного множества, усложняет субъект-объектные отношения оценочными модусами. Для обоих языков характерны контексты отрицания как маркеры негативной когнитивно-модусной программы.

Возражение как контраргументация и как агональная (конфликтная) межличностная стратегия выражается речевыми проявлениями К^{ог}К в обоих сопоставляемых языках. От степени совпадения двух картин мира зависит степень принятия или непринятия концептуальной программы другого, т.е., в конце концов, степень понимания и взаимопонимания. В иллокутивном и

интерперсональном плане универсальным для двух языков является номенклатура речевых актов, связанная с манифестацией таких интенциональных состояний, как удивление, недоумение, злоба, ненависть, зависть, ревность, раздражение, сожаление, презрение и т.д., и может рассматриваться как необходимое условие успешности ряда речевых актов, таких как упрек, возражение, протест, увещивание, укор, угроза, запрет и т.д.

Эмоциональность в реализации интерперсонального аспекта речевого взаимодействия свойственна обеим лингвокультурам. Инвективы, проклятья, обценные интеръективы составляют ядро интерперсональных маркеров К^{ог}К в обоих языках.

В дискурсивном плане К^{ог}К коррелирует с понятием коммуникативной неудачи, отличаясь от последней несколькими характеристиками:

– когнитивный конфликт может возникать как внутриличностный конфликт, имеющий свои манифестации во внутренней или внешней речи, обращенной или не обращенной к партнеру по когнитивной трансакции (имплицитность);

манифестации в субъект-субъектной речевой интеракции;

– когнитивный конфликт может возникать как интенциональное (намеренное) речевое поведение, и его осознанное осуществление со стороны говорящего связано, скорее, не с непониманием, а с отрицанием, несогласием со стороны собеседника;

– когнитивный конфликт предполагает диалог, развитие, стремящееся либо к разрешению, либо к конфронтационному взрыву.

В речевом взаимодействии столкновение «концептуальных миров» вызывает речевые стратегии и тактики противоречия и контраргументации. Расхождение в когнитивных программах собеседников порождает когнитивный конфликт на уровне отношения субъекта к объекту (внутриличностный конфликт) и на уровне отношения субъекта к субъекту (межличностный

конфликт). Соотнесенные с временным планом, такие модальные программы могут выступать как аксиологические модели прошлого или будущего (положительный возможный мир / отрицательный возможный мир) и выражаться речевыми актами либо сожаления или упрека, либо пожелания/разрешения или угрозы/запрета.

Библиографический список

1. **Апресян, Ю.Д.** Прагматическая информация для толкового словаря. Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
2. **Грайс, Г.П.** Логика и речевое общение. Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
3. **Городецкий, Б.Ю.** Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика.
4. **Йокояма, О.** Коммуникативные неудачи в рамках транзакционной модели дискурса. – М.: Наследие, 1998.
5. **Пиже, Ж.** Речь и мышление ребенка. – М.; Л.: Гос. учебно-пед. изд-во, 1932.
6. **Седых, А.П.** Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы. НДВШ. Филологические науки. – 2004. – № 3.
7. **Стернин, И.А., Ларина, Т.В., Стернина, М.А.** Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003.

Примеры:

1. **Carroll, L.** Alice in Wonderland [Text] / L. Carroll // 235 p. – **CAW.**
2. **Dreiser, Th.** An American Tragedy [Text] / Th. Dreiser. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1949. – V. I. – 516 p; V. II. – 342 p. – **DA.**
3. **Hailey, A.** Airport [Text] / A. Hailey. – London: Pan Books Ltd., 1987. – 477 p. – **АН.**
4. **Hemingway, E.** A Farewell to Arms [Text] / E. Hemingway. – М.: Progress Publishers, 1976. – 320 p. – **ЕНФ.**
5. **Maugham, S.** Of Human Bondage [Text] / S. Maugham. – London: Pan Books Ltd., 1983. – 607 p. – **МНВ.**
6. **Thackeray, W.M.** Vanity Fair [Text] / W.M. Thackeray. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1951. – Part I. – 442 p; Part II. – 435 p. – **ТВФ.**
7. **Twain, M.** The Adventures of Tom Sawyer. The Adventures of Huckleberry Finn [Text] / M. Twain. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1948. – 491 p. – **ТМ.**